

Элис Ло

Подарить жизнь

Надежда всегда
найдёт человека, жизнь
всегда будет иметь
смысл...

Элис По

Подарить жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23303910

ISBN 9785448390678

Аннотация

Жить или умереть, даже если жизнь едва теплится в тебе самом? Смириться с о своим внутренним зверем или подарить себе шанс стать другим? Стиффлер, как и другие, ищет ответы на вечные вопросы в людях, событиях и в первую очередь в себе. Эта книга – путь одной заблудшей души среди миллионов остальных. Возможно, пройдя его вместе с ним, вы тоже получите ответы на вопросы, что неудобны, что не принято задавать, но без которых так и не найти правды...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Подарить жизнь

Элис По

Посвящается Ангелине

Ты верила в меня всегда чуть больше, чем я сам.

Иллюстратор Мария Серик

© Элис По, 2017

© Мария Серик, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9067-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Как бы я не хотел верить в чудеса, но, садясь
в трамвай,
я обязательно проверю счастливый ли билет мне
достался.

Нам никогда не искоренить надежду
из человеческого сердца»

Глава 1

В доме царил небывалый праздник. Золотая свадьба или пятидесятилетний юбилей со дня женитьбы, как вам больше нравится. Приехали Линдси и Грейс со своими мужьями и прелестными внуками. Не обделили своим присутствием и наши старые друзья Джеффри с Рафаэль. Кажется, ничего не изменилось в них за все эти годы, кроме телесной оболочки. Она искусно, как профессиональный пыльник, крошила задеревенелые мозги моего бедного друга.

– Дорогой, не увлекайся так жирной пищей, помни о своём уровне холестерина, – эта женщина могла испортить вкус даже самой изысканной еды, – И вообще, мне кажется, ты уже достаточно выпил.

Мы с женой тихонько посмеиваемся. Каким же образом при всех противоречиях смогли они удержать свой плот на плаву? Наверно, таким же, что и мы. В гостиной пахнет цветами и пряной индейкой, Сара так и не смогла придумать ничего новенького и обошлась традиционным блюдом. Они весело болтают, вспоминая курьезы нашей семейной жизни. Например, как однажды мы с Сарой были ограблены в Аризоне, но примкнув к группе хиппи, все же вернулись домой... Да, это были славные беспечные деньки нашей молодости.

– А помните как мы познакомились с вашим отцом?, –

морщинистое лицо Сары сразу начинало светиться, когда она в очередной раз вспоминала эту историю. Но есть такие истории, которые мы хотели бы забыть, вырезать из памяти, будто их и не было. Однако, она всегда будет хранить их до конца вашей смерти. Уж поверьте...

Конечно, я не всегда был дряхлым стариком с больной спиной и скверным зрением. Когда-то мне было двадцать семь. Представьте высокого bruneta со стальным взглядом и буквально, пышущего здоровьем. Неплохо, да? «Совсем замечательно!» – подумаете вы, когда узнаете, что в эти годы я был обладателем не только незаурядной внешности и развитой мускулатуры, но и шикарного коттеджа, в котором сейчас живет Линдси со своим благоверным. Я был баловнем судьбы, если хотите. У меня было все для того, чтобы как следует прокутить молодость. Собственный дом, образование в одном из лучших медицинских вузов в Торонто, престижная работа медицинским криминалистом а Брамптоне. Разумеется, все это не только благодаря моей харизме и острому уму. Отец, будучи руководителем одной нефтегазовой компании с приличным доходом, смог устроить мне безоблачное будущее. Что же касается матери... Миссис Раш покинула нас, когда я был двенадцатилетним мальчиком. В том возрасте, когда плакать уже было стыдно, но еще хотелось. Причиной смерти был рак легких. Болезнь день за днем пожирала ее медленно и мучительно. Я был не настолько взрослым, чтобы в полной мере осознавать, что зна-

чит умирать заживо, чувствовать как клетка за клеткой уходит жизнь, а вместе с ней надежда на будущее, которого больше нет. Я видел, как мать корчилась от боли, сдерживая слезы, как отец почти каждый вечер пил виски, чтобы заглушить свою. Когда она умерла, вместе со скорбью мы все испытали и чувство облегчения, глядя на безмятежное лицо покойной.

Возможно, этот факт повлиял на выбор будущей специализации. Но, в процессе обучения я несколько изменил профиль деятельности и стал медиком-криминалистом. Не то что бы мне очень нравилось копаться в кишках мертвых, в этой профессии меня привлекла загадка. Ну, вы понимаете, от чего, когда и как скончался несчастный. К тому же ответственность во много раз меньше, чем, например, у хирурга, мертвого ведь уже не убить. Может немного цинично, но все же каждый новый труп представлялся вызовом, брошенным моей компетенции. В общем, как странно бы это не звучало, мне нравилась моя работа.

Конечно, при знакомстве с девушками я старался не упоминать про детали. Представьте, как бы те визжали и крутили припудренным носиком, узнав, чем я занимаюсь. Но, как бы я не увлекался криминальными сводками и расследованиями, в тот понедельник мне было точно не до них. Вчера мы с Джеффри сильно перебрали с текилой в одном из тех уютных баров, которыми усеян Брамpton. Его, беднягу, в очередной раз бросила Рафаэль, и я как настоящий

друг был обязан оказать ему поддержку. Всегда говорил ему: «Джеф, да будь ты построже с этими сучками! Держать волосы, пока она блюет, покупать прокладки, спрашивать как она хочет, чтобы ее трахнули.. Пойми, старик, это все для слабаков. Пошли ее к черту и она твоя». Но он так не мог. Скромный, интеллигентный Джеф... Иногда, я просто поражался его мягкотелости. Такое чувство, что он готов свой член наизнанку вывернуть, только, чтобы его пассия была счастлива. Да, кстати о членах. Он был начальником урологического отделения в клинике Святого Эндрю. Только представьте, целыми днями разглядывать чужие достоинства. Теперь, вы понимаете, что мой род деятельности это еще цветочки.

Что ж, вернемся к понедельнику, который заставил оторвать меня свой зад от теплой, уютной постельки. Я не любил завтракать дома, так как нужно было готовить самому. Вы спросите, почему такой состоятельный человек, как я, не завел себе кухарку. Все очень просто. Видеть постороннюю физиономию с утра я ненавидел больше, чем перспективу самому варить кофе и жарить яйца с беконом. По этой же причине я не приводил девушек в свой дом. Терпеть не мог, когда с утра одна из этих сучек надевала мою наглаженную рубашку и требовала завтрак в постель, как будто я ей по гроб жизни обязан за то, что она скакала на мне прошлой ночью, да, причем еще, так себе.

Как обычно, я решил позавтракать в «Р и Р» на Семидесятой Пригородной. Сэндвичи с тунцом здесь делают умо-

помрачительные. Как постоянного клиента, меня обслуживают очень быстро, поэтому на работу я приехал вовремя. Оставив новенького туарега на стоянке, я вяло шел к дверям своего кабинета. Голова трещала, будто ее пилят пополам. Срочно нужен еще кофе.

– Моника, сделай мне двойной американо!, – бросил я своей секретарше, которая всякий раз при виде меня старалась поправить выбившийся локон или невзначай расстегнуть верхнюю пуговицу на блузке. Идиотка! Неужели она рассчитывала меня соблазнить? Со знаменитой тезкой ее объединял разве что темный цвет волос, остальное явно не под стать голливудским вершинам.

– Ваш кофе, мистер Раш, – с невинной улыбочкой Моника поставила кружку передо мной, наклоняясь так, что еще чуть-чуть и ее грудь выпадет на стол. «Надо будет отодрать ее разочек, чтобы не ходила здесь как расфуфыренный павлин» – прикинул я. Не подумайте, что я всегда был так жесток к женщинам, я просто разучился им доверять. Банально, но первая любовь оставила глубокий след в моей душе. Это произошло в колледже. Ее звали Эвелин. Классическая блондинка с голубыми глазами и пышным бюстом покорила меня в одночасье. Будучи тогда безнадежным романтиком, я и не подозревал, что она использовала меня как безлимитную золотую карту, и к тому же регулярно спала с капитаном местной команды по футболу. Я все узнал благодаря элементарной женской болтливости, которая не знает

границ. Как-то раз, подняв трубку параллельного телефона у нее дома, чтобы узнать с кем она разговаривает, я стал свидетелем красочных подробностей, описывающих похождения Эвелин. В тот вечер я еле удержался, чтобы не врезаться по ее притворному кукольному личику и не удержался от того, чтобы возненавидеть женщин ещё больше. Теперь они для меня делились на два типа. Одни раскрепощенные львицы, представляющие, что сошли с обложки «Плейбоя», строят из себя «секси», которой любой по зубам. Другие же примеряют образ интеллектуалки-скромницы. Первые кроме как на секс больше ни на что не годятся, вторые настолько занудны, что и секса с ними не хочется.

Зазвонил телефон, это был Спаркс из отдела расследования.

– Доброе утро, Стиф! Хотя, для тебя, возможно, и не доброе. Какой-то ты сегодня помятый шел по коридору. Колись, опять на выходных надрался до беспамятства?, – думаю, Коул-примерный семьянин, слегка завидовал моей беспечности. Хотя, даже я порою бывал гостем на их семейном барбекю.

– Прекрати, Спаркс, можно подумать ты не знал мои планы на прошлый уик-энд, – отшутился я.

– Давай выкладывай, зачем звонишь?

– Ладно. Тори Лэйн поступила сегодня с утра. Пятьдесят лет. Предполагаемая причина смерти множественные ранения от удара острого предмета в грудь. Необходимо твое ме-

дицинское заключение.

– Ясно, как только обследую, пришлю отчет.

– Погоди, вот еще что. Есть одна странная деталь. Она болела раком легких. Господи, кому понадобилось ее убивать, – голос обычно хладнокровного Коула дрогнул.

– Я зайду к тебе позже, – ответил я и положил трубку.

Тело Тори Лэйн привезли через пятнадцать минут. В начале практики при виде покойника мне всегда было не по себе. Казалось, что своим вмешательством мы как бы беспокоим их. Но с годами, видит Бог, мы все черствеем, перестаем ужасаться и вместе с тем удивляться тоже. Мне думается, что даже организаторы свадеб порой с равнодушным взглядом провожают новобрачных к алтарю, не испытывая ни капли радости священного таинства. Так и в моем случае профессионализм вытеснил остальные чувства. Надев на лицо респираторную маску, я откинул кипельно-белую простыню. Кожа в районе лба уже начинала синеть и кое-где покрылась сеткой лопнувших сосудов. Раны на груди были ровными и глубокими, одна из них даже достигала сердца. На полное обследование у меня ушло менее половины дня, так что к вечеру медицинское заключение уже лежало на столе Спаркса.

– Смерть наступила примерно между семью и девятью ночами от проникающего ранения в грудь. В крови обнаружено много болеутоляющего и антибиотиков, по всей видимости, вследствие недуга погибшей, – отрапортовал я, сидя в кресле напротив Коула.

– И что ты об этом думаешь?, – старший следователь перевел на меня напряженный взгляд.

– Что я думаю? Для начала я хотел бы услышать твою версию. Уже есть круг подозреваемых?

– Сегодня мы опросили дочь покойной Саманту Лэйн и ее дружка Тома. У обоих, по словам имеется алиби. Она в это время находилась на праздновании дня рождения подружки, а Том задерживался на работе. Конечно, отношения между Тори и ее зятем нельзя назвать идеальными, но, тем не менее, мотива для убийства нет. Да и зачем? Несчастная так сильно болела, что и сама через месяц другой отдала бы Богу душу.

– Тогда что? Грабители?

– В том-то и дело, Стиф, не похоже. В палате, где она лежала на лечении, остались нетронутыми все ценные вещи. Этот парень решил поморочить нам голову, – вздохнул Коул.

– Что ж, будем думать об этом. Ладно, я побежал, хочу еще заскочить кое-куда.

– О, Стиф! Ты неисправим, -с улыбкой бросил коллега, когда я выходил из кабинета.

Не знаю, о чем там он подумал, я всего лишь хотел скорее заехать поужинать. Знаете ли, после бурных вечеринок меня одолевал зверский голод. Ростбиф и чашка крепкого кофе поправили положение дел. Теперь я сидел и смотрел подобревшими глазами на посетителей заведения. Что мне в них нравилось, так это простые и искренние лица, которых

не встретишь в дорогих и пафосных ресторанах, где потаскухи делают вид, что они дамы, а старые пердуны, что они всемогущи... Нам всем ведь нужна ширма. Ослепительный фасад, за которым вот-вот всё развалится на гниющие кирпичи. И непременно фальшивая улыбка. Хотя кариес уже разрушил задние зубы и медленно поедает протухшее сердце. Но, если так подумать, возможно, это не совсем притворство, скорее защитная реакция на мир. На мир, в котором не места слабым, страшным и несовершенным. А мы ведь обязаны принадлежать к этому миру, хотя глубоко в душе на него плевать хотели и мечтаем хотя бы раз на вопрос как у нас дела ответить правду, выплеснуть ушат дерьма наружу. Но, это когда-то ещё не настало, и пока нужно делать вид, что всё нормально. Будто подслушав мои мысли, официант как-то странно посмотрел на меня:

– У вас всё нормально, сэр?

Я молча кивнул, хотя ушат внутри так и распирало от содержимого. Отвёл взгляд от сахарницы. Я заметил, как молодая парочка у окна о чем-то мило щебетала и неуклюже кормила друг друга мороженым. Они казались такими счастливыми и влюбленными, что невольно через какое-то время я бы начал надеяться на хэппи-энд и в своей жизни. Мои сентиментальные наблюдения прервал Джеф, назойливой надписью возникнувший на дисплее телефона. Надеюсь, что вчерашний вечер подлечил его раненое самолюбие.

– Привет, Джеф! Как ты, парень?

– Привет, к вечеру немного лучше, хотя бы нет рвотных позывов. Как насчет того, чтобы выпить пару стаканов пива сегодня?

– Идея хорошая, но давай не сегодня, сделаем передышку? – совсем не хотелось в этот вечер снова надевать жилетку для утешений.

– Да, кстати, хотел еще кое-что рассказать, – вдруг его голос стал встревоженным, – Смотрел сегодня в новостях про убийство Тори Лэйн? Так вот, оказалось, что она была пациенткой нашей клиники. Я был шокирован.

– Неужели? Да брось, это просто совпадение. В конце концов все мы являемся пациентами каких-нибудь клиник. Не переживай, на твоей практике, думаю, это не отразится.

– Эй, хватит меня подкалывать! И вообще-то я как ведущий специалист отделения рассматриваю только самые сложные случаи.

– О, уволь меня от подробностей своей работенки! – рассмехался я в трубку.

– С радостью. До завтра, Стиф! – я знал, что старина не обижается и привык к моим шуточкам.

Рядом по дороге проезжали другие автомобили. Я почему-то раздражался. Каждый пассажир из соседнего окна, будто считал священным долгом заглянуть ко мне в салон. На боку проезжающего микроавтобуса красовалась яркая реклама кровли. Улыбающийся мужчина лет сорока, сидел на крыше и всем своим видом призывал заказать новую ме-

таллочерепицу. Понятное дело, всем было абсолютно наплевать, и только я, наверное, понимал, что на самом деле под натянутой улыбкой скрыто непреодолимое желание спрыгнуть вниз...

Бросив машину возле дома, я зашел в прихожую. Вообще, попав в мой дом, вы бы сразу поняли, что он принадлежит холостяку. Из-под дивана виновато выглядывали не первой свежести носки, письменный стол был завален бумагами, даже не помню, какие из них мне еще были нужны, а от холодильника подозрительно пахло чем-то содержимым. И все это великолепие приправлено классическим стилем, в котором был выполнен дизайн коттеджа. Это сейчас Линдси со своим бестолковым муженьком переделали все под «хайтек», на мой взгляд, какой-то пустой и лишенный роскоши. «Нужно бы вызвать уборщицу завтра» – думал я, заваливаясь после расслабляющей ванны на огромную кровать. Еще один плюс холостяцкой жизни состоял в том, что не нужно было ни с кем делить свое ложе и бояться задеть локтем дремлющее тело. Но, признаться честно, без минусов тоже не обходилось. Сквозь пелену сна я посмотрел на будильник. Восемь сорок! Я должен был встать еще час назад. «Что ж, похоже, сегодня обойдусь без сэндвича с тунцом» – подумал я, озадаченно рассматривая пустые полки холодильника.

Вторник двадцать пятого сентября. Этот день ознаменовался не только незадавшимся утром, но еще тем, что он был пятнадцатилетней годовщиной со дня смерти матери. Сколь-

ко помню, на годовщину часто шел дождь, но в этот раз погода порадовала ярким солнцем и легким ветерком. И, в общем это все, что меня сегодня радовало. Даже Моника, видя в каком я пребываю настроении, оставила свои «казановские» замашки. Ближе к полудню я вышел покурить на парковку. Да, знаю, привычка не из лучших и вызывает импотенцию, но, черт возьми, это стоит того, чтобы на секунду расслабиться и забыть обо всех проблемах. В чем еще кроется смысл жизни, как ни в получении удовольствия? Я уже затушил окурок и собирался вернуться в свой унылый, кабинет, как на глаза попала худенькая брюнетка. С бледным лицом и заплаканным видом она стояла около соседней урны не в силах справиться с дрожью в руках и подкурить сигарету.

– Добрый день. Позвольте вам помочь, – я щелкнул зажигалкой и она затянулась, выпуская клубы дыма из узких ноздрей.

– Спасибо.

– Не за что. Наверняка, вы новенькая и сильно переживаете первый день на работе? – мне захотелось хоть чем-то развеселить грустную девушку.

– О, если бы. Меня снова вызвали на допрос по поводу смерти моей матери. Какой-то псих убил ее прошлой ночью.

Саманта Лэйн вот-вот была готова расплакаться и, по всей видимости, не первый раз за сегодня, о чем говорили темные потоки туши на ее щеках.

– Скажи, Сэм, какой она была, твоя мама? – я старался хоть как-то отвлечь ее от горьких мыслей.

– Она была веселой. Всякие невзгоды принимала с улыбкой. Правда в последнее время болезнь сделала ее неузнаваемой. Она замкнулась, проклинала весь мир и никак не могла понять, за что Бог послал ей такую судьбу. Может быть так нельзя говорить, но, с одной стороны я рада, что она ушла из жизни менее болезненно, чем должна была.

Тут девушка облегченно вздохнула, выбросив окурочек. Порой легче рассказать о правде, что гложет нас, какому-нибудь постороннему человеку. Он не будет осуждать и доставать нравоучениями, он просто выслушает тебя, что иногда даже важнее понимания.

– Извините, что сбросила на вас свои проблемы. Мне пора, до свидания.

– Пока, Сэм!

Я провел ее взглядом до старенького пикапа и, когда от него остался лишь столб пыли, тоже решил вернуться в офис. Работа никак не шла, мысли были далеки от отчетов и экспертиз. Остаток дня я провел раскладывая пасьянс и изучая свой кабинет, будто видел его впервые. «Нужно бы здесь все поменять. Эти белые стены, белые кожаные диванчики больше походят на обстановку психиатрической лечебницы» – размышлял я. Вы никогда не замечали, что люди начинают менять обстановку вокруг себя от безделья или от неспособности поменять что-либо в своей жизни? Вот и я

не знал, что именно я хотел изменить и способен ли...

Мои рассуждения прервала Моника, заглянув из-за двери с таким радостным лицом, будто ни много ни мало, выиграла миллион в лотерею.

– Что такое? – я хмуро взглянул на нее исподлобья.

– Шеф, рабочий день уже закончился. Я ухожу, и вы не засиживайтесь.

Нет, засиживаться времени не было. На восемь вечера был запланирован поминальный вечер у отца дома. Если про мой коттедж можно было сказать, что он милый, то к его дому подойдет определение королевский. Выполненный из белого камня, он поражал своей грандиозностью уже на крыльце с греческими статуями и колоннами. Но, самым удивительным была планировка дома, его сердце находилось в круглой гостиной, отделанной белым мрамором и благородным деревом, а вокруг, словно вода хоровод, располагались остальные комнаты с золоченой мебелью и тысячами хрустальных огоньков. Я решил заехать в супермаркет и купить бутылочку вина, мама любила выпить бокал шардоне за ужином. Я приехал немного раньше и был вынужден сидеть в гостиной и ждать, когда его величество все-таки почтит меня своим появлением. Стол был уже накрыт, начищенные приборы искорками отражали огонь, потрескивающий в камине. Сначала я не заметил, но теперь задавался вопросом: для кого стоит третий прибор? Надеюсь, для кого-то из старых друзей Шермана или Клейтона, ведь я тер-

петь не мог ужинать с его пассиями, да и тем более в такой день. Дело в том, что после смерти матери отец так и не связал себя узами ни с кем другим и перебивался временными подружками, в душе присудив себе статус ловеласа.

Однако, моим ожиданиям не суждено было сбыться. Услышав шорох, я увидел, как отец спускается по лестнице под руку с очередной рыжеволосой особой. Она была невероятно привлекательна, а красное шелковое платье выгодно подчеркивало ее пышные формы. Совсем иное можно было сказать о моем отце, как обычно он пытался казаться моложе, надев розовую рубашку и галстук в горошек. Вот только лысина предательски выдавала предпенсионный возраст и сияла, как новенький пятак.

– Здравствуй, Стиф!

– Добрый вечер, папа! – я хотел его позлить, ведь он терпеть не мог, когда я обращался к нему таким образом при подружках.

– Познакомься, это Алисия, – представил он свою спутницу, помогая ей усесться за стол.

– Безумно приятно. Я надеюсь, тебе есть восемнадцать? Не хотелось бы провести этот вечер в полицейском участке, – я натянуто улыбнулся, наливая вино в ее бокал. Готов поспорить, папа Кевин в этот момент рвал и метал, но внешне не подал виду и решил отшутиться:

– Не обращай внимания, Алисия. Стиф у нас всегда такой веселый.

– Не беспокойтесь, мне двадцать два, – девушка обдала меня ледяным взглядом. Нет, вы слышали? Двадцать два! Что почти в два с половиной раза меньше возраста отца, которому недавно стукнуло пятьдесят шесть. Ни на минуту не поверил бы, что эту разношерстную пару настигло такое великое чувство, как любовь. Неужели жажда красивой жизни у этой гадкой Алисии сильнее чувства отвращения от старого тела? Вряд ли она с удовольствием заглатывает его дряблый член и целует морщинистые губы. Несмотря на то, что Кевин Раш превратился в старого перечника, подсевшего на виагру, все равно жаль его. Он никогда так и не поймет, что тратить свое время на подобных хищниц за богатством то же самое, что носить поддельные бриллианты: вроде бы красиво и на ощупь неплохо, а в глубине сердца знаешь, что фальшивка...

Отец решил заговорить и прервать гробовую тишину, нависшую в гостиной. Я было подумал, что он скажет что-нибудь в память о матери, но тот, видимо, забыл какой повод собрал нас вместе.

– Послушай, Стифлер, какой забавный случай произошел со мной и Алисией, когда мы обедали в ресторане Нью-Йорка на прошлых выходных!

– Наверное, официант принял вас за дочь с отцом? Вы так похожи! – я не мог удержаться от колкостей. Хищный рот Алисии вмиг искривился, а маленькие змеиные глаза яростно забегали по сторонам.

– Извини, Кевин, это уже слишком. Пожалуй, мне лучше уехать домой, – резко отодвинув стул, она встала и направилась к выходу. Надо же, кукла оказалась не такой уж глупой, чтобы продолжать выслушивать оскорбления.

– Детка, я позвоню тебе завтра! – бросил вдогонку отец.

– Зачем ты так с ней? – он встал и начал шаркать по комнате, когда входная дверь захлопнулась.

– Отец, скажи мне, – я пристально посмотрел ему в глаза, – Разве ты чувствуешь себя по-настоящему счастливым рядом с этой проходимкой, которой только и нужны от тебя платья, да новые туфли?

– Послушай, сынок. Счастье бывает всего один раз в жизни, и у меня оно было с твоей матерью. Я долго искал его подобие, пока не понял, что его нет. Теперь я просто покупаю то, что доставляет мне удовольствие, не строю иллюзий и не разочаровываюсь.

– Прости, если обидел тебя, – я конечно понимал, что чуть-чуть перегнул палку.

– Успокойся, я не обижаюсь на правду, да еще от самых близких мне людей. Я тоже не прав, что позволил этой курице приехать, просто думал, что она немного отвлечет нас от грустных мыслей. Я ведь так скучаю по нашей маме, —с этими словами он уткнулся в мое плечо, похлопывая по спине. Моя природа такова, что отхожу я так же быстро, как и завожусь.

– Давай лучше по пиву и посмотрим какой-нибудь хоро-

ший фильм? – предложил я.

– Узнаю своего мальчика!

Мы перебрались в комнату с кинотеатром, расположившись на мягком диване.

– Посмотрим что-нибудь Хичкока? Мама любила его фильмы, – спросил я, прихлебывая пиво.

– Помнишь, как она пыталась напугать нас при каждом волнительном моменте?

– Да, а мы каждый раз поддавались на ее провокации, – лицо отца посветлело от воспоминаний, он продолжил:

– Она была удивительной женщиной, с которой не хотелось расставаться ни на секунду

– Пап, скажи, если бы была такая возможность прекратить ее страдания, как бы ты поступил? – этот вопрос крутился в моей голове в свете последних событий. Вдруг его лицо стало серьезным и вдумчивым.

– Я был не настолько смел, чтобы принять такое решение. А вот твоя мать... Я никогда не говорил тебе, но она умоляла о смерти, постоянно просила приблизить ее кончину. А я ничем не мог помочь, – в глазах вдовца блеснули слезы. Я подумал, что будет лучше оставить его наедине с самим собой, чтобы привести чувства в порядок.

– Звони, не забывай своего старика, – сказал он на прощание, шмыгая носом. Я ехал домой, размышляя над тем, что сказал Кевин. Может быть, действительно, человек, больной неизлечимой хворью, должен иметь право на достойный уход

из жизни? А не умирать в агонии, с трудом узнавая в последние дни свои родных и близких...

Оказавшись дома, я ещё долго не мог заснуть. Началась гроза и, свернувшись в кровати, я наблюдал, как стальные молнии рассекают черничное полотно неба. Постепенно яркие всполохи за окном стали бледнеть, я открыл глаза. Дощатый пол, репродукции Пабло Пикассо на стенах. Мне снова снился наш старый дом, в котором я провёл всё своё детство. Я осторожно шёл по коридору к кабинету отца, стараясь не шуметь. Одна из половиц скрипела в самый неожиданный момент, будто меня своё расположение в полу. Дверь была приоткрыта, я услышал, что он находится там не один.

– Это всё так неожиданно, – отвечал он кому-то.

– Ради всего святого, Кевин! Ты ведь молодой и здоровый мужчина, который должен жить дальше! Или ты собираешься слечь в могилу рядом с ней?, – урезонивал отца голос принадлежавший Изабелле Ротсвуд, лучшей подруге матери. Я отчётливо помню, что в последние месяцы её жизни она зачастила с визитами.

Я подошёл чуть ближе, заглядывая в проём между дверью и стеной. Миссис Ротсвуд сидела на рабочем столе Кевина, обхватив руками его шею. Даже будучи ещё ребёнком и толком не сознавая всех особенностей взрослой жизни, я понимал, что вижу что-то неправильное и странное. У меня захватило дыхание. Я переживал, что же увижу в следующую секунду. Доска под ногой предательски издала противный

скрип. Я потупил глаза. Послышалась возня и спустя мгновение передо мной возникло сконфуженное лицо отца, распахнувшего дверь.

– Стиффлер, дорогой, что случилось?, – он старался смотреть поверх головы, отводя пристыженный взгляд.

– Ничего, – я растерянно сжимал в руках книгу об автомобилях, о которой ещё несколько минут назад хотел расспросить отца. Изабель, будто сдуваемую ветром уже относило по коридору, когда я рывком сел в постели. Её блестящие чёрные волосы, как лощённый конский хвост и огромный рот с мелкими зубами ласки надолго станут для меня символом женской подлости и предательства. О дружбе даже заикаться не стоит. Есть только общие интересы и разные мужики, с которыми хочется трахаться. Я не знаю что было, а чего не было, но я никогда не задавал вопросов по этому поводу отцу, быть может, потому, что не хотел услышать то, чего не ожидал...

Вы скажете, почему я питаю такую ненависть к подруге матери и ни слова не говорю о поведении отца? Давайте будем честными и перестанем цеплять венец святости на всякую мало-мальски приличную бабу. Что бы ни говорили психологи и философы, женщина – первопричина, начало. И это не оттого, чтобы мужикам было легче придумывать оправдания, даже природа доказывает это, если мы сами начинаем свой путь из женского нутра. Всем ведь без разбору хочется возложить шапку ответственности на крепкую мужскую го-

лову, между тем как истинным источником решения является всё та же пресловутая женщина. Она и только она решает, будет ли этой ночью секс, ребёнок через девять месяцев или сегодняшний обед. Вы никогда не задумывались о том, что иногда мужчины изменяют своим жёнам только потому, что им всегда найдётся с кем изменить? То-то же...

«Нужно будет рассказать Эдварду о сне. Интересно, придётся ли он ему по вкусу» – подумал я следующим утром. Довольно часто мы с доктором Мерцем пускались в долгие споры о женщинах, ответственности и прочей белиберде, которой они наводняют всё происходящее. Чертовски умный, он будто чувствуя, мой интерес к этой теме, всякий раз подкидывал дровишек к тлеющим углям моего пыла. Официально он был моим психоаналитиком. Только не подумайте, что я, как закоренелый неврастеник, регулярно ходил к нему вправлять мозги. Обзавёлся я им случайно. Как-то раз у нас с Джеффом зашёл разговор о психологической составляющей нашего общества и, как следствие, об индустрии психологии. Я, как агрессивный противник копания чужих рученок в своё мозгу, настаивал на бесполезности и ненужности походов к психологам «нормальных» в общепринятом понятии людей. К тому же, никто ни разу не задумывался, почему же при всей своей чудодейственности методов, психологи «лечат» своих подопечных на протяжении многих лет? Джеффри наоборот доказывал мне, что всё-таки есть специалисты с недюжинным умом и индивидуальным подходом

к каждому.

– Пожалуй, были. Если ты о Фрейте, Юнге или Ясперсе, то вынужден тебя разочаровать, они давно слегли в могилу, – отмахивался я.

– Хорошо, предлагаю пари, – его глаза лукаво заблестели, будто закапанные рыбьим жиром, – ты сходишь на один сеанс к доктору Мерцу, и, если ты увидишь в нём некомпетентного вымогателя, шарлатана, я никогда больше не вернусь к этому разговору.

Имея слабость ко всякого рода спорам, я не мог не пойти. Кабинет, больше походивший на декорации средневековой библиотеки и мужичок со старомодными подтяжками в купе с такими же усами окунали в эпоху Ницше. Меня позабавили его манеры, трубка с курительным табаком и круглые очки, никогда не разлучавшиеся с прямым точеным носом. Но, забавило это, видимо, только меня. Материализовав для себя отдельную реальность, этот неоклассический фрик чувствовал себя абсолютно комфортно и уверенно. Постепенно и я, приспособившись к новому измерению, во время визитов к нему представлял себя Ватсоном в гостях у Холмса. Так называемые сеансы больше походили на интеллектуальные дуэли, только вместо пуль Мерц метал в меня свой хитрый взгляд в попытках разгадать суть происходящего в моём сознании, а я как щитом прикрывался неопределёнными ответами, иногда всё же оставляя ему подсказки. Я путал карты, водил его по ложному следу, но раз за разом он оказы-

вался почти у цели. С самого начала я заявил, что выкладывать всю подноготную на стол не собираюсь, а хочу услышать его экспертное мнение по поводу моего душевного дисбаланса. Ему предложение понравилось, он уверенно объявил, что за пять сеансов разберёт меня как дом по кирпичикам. Представляю, как он ждал нашей предпоследней встречи через неделю.

Будни выдались спокойными и рутинными. Подходил вечер пятницы, которого как никто ждали все работники Брамптона. Вот так всегда. Люди вечно чего-то ждут, ждут, когда закончат школу, ждут, когда пройдет дождь, чтобы пойти на прогулку... Ждут, вместо того, чтобы ценить каждый момент. И я, собственно говоря, вот уже с полчаса занимался тем же самым. Перекусив дома пельменями, я быстро искупался и приехал к Джефу. Мы решили немного повеселиться в одном из местных пабов. Он жил на Элиот-Стрит в уютной двухкомнатной квартирке, больше походившей на музей, чем на жилище среднестатистического канадца. Обилие животных принтов, дерева и этнических статуэток отражали любовь хозяина к африканской тематике. Сидя в плетеном кресле из ротанга, я пил крепкий кофе и посмеивался над другом.

– Слушай, Джеф, ты выбираешь что надеть как школьница на свое первое свидание!

Мне кажется, он перемерил уже с полсотни рубашек и брюк.

– Конечно, это тебе со своим шикарным телом не надо париться, что надеть! – его взгляд укоризненно упал на мой рельеф, скрытый под тонким трикотажем зеленого поло, – А я хочу выбрать то, в чем мне будет наиболее комфортно.

– Ни одна девушка не выдержит, что ее парень собирает-ся дольше нее самой, – похоже, я погорячился, подняв одну из болезненных тем. Зато, Джеф наконец остановил свой выбор на рубашке в клетку и темных джинсах.

– Вчера звонила Рафаэль..., – в комнате повеяло тухлым настроением.

– Что она хотела? – я поставил опустевшую чашку на стол, внимательно слушая.

– Сказала, что скучает.

– Надо же! А не по тому ли она тебя бросила, что заскучала в ваших отношениях?

Только Бог знает, что нужно этим женщинам! С детства забивают себе голову нелепыми розовыми соплями, а потом ждут от мужчины вечного праздника. Так не бывает.

– И что ты? Надеюсь, не принял ее с распростертыми объ-ятиями обратно?

– Нет, послал ее к черту, как ты и сказал.

– Молодчина! Пускай еще помучается.

– Стиффлер, но это ведь жестоко. Ты вообще когда-ни-будь задумывался о женском внутреннем мире?

– Если ты о влагалище, то безусловно. Главное, чтобы там отсутствовали такие элементы как триппер или сифилис.

– Ладно, пойдём чёртом пошляк! Все девчонки города ждут нас».

Выбор пал на «Грэйдон Паб», отличное местечко для того, чтобы расслабиться и хорошо провести время. Мне нравился интерьер, в котором он был выполнен. Перевернутые стулья, светильники и велосипеды, свисающие с потолка, делали его непохожим на остальные. По середине виднелась небольшая сцена, по выходным здесь давали концерты местные восходящие поп и рок звезды. Расположившись за барной стойкой, мы взяли по стакану виски, поглядывая по сторонам. Девушек было предостаточно, мне приглянулась хрупкая блондинка. Она явно чувствовала себя не в своей тарелке и мялась у стены.

– Эй, Джеф! Смотри какая симпотяжка стоит напротив в углу. Она кажется одна и ждет твоего внимания, -я подтолкнул горе-любовника локтем, призывая к действию.

– Ты думаешь? -тот неуверенно посмотрел в мою сторону.

– Да! Подойди к ней, предложи выпить. Готов поспорить, она не откажется!

На самом деле Джеффри высокий и курчавый был не так уж плох собой, излишняя самокритика вот, что не давало ему раскрыться в полной мере. Смакуя уже вторую порцию виски, я наблюдал, как друг, угостив даму коктейлем, о чем-то оживленно болтает с ней. «Он не так безнадежен» – подумал я, улыбнувшись своему отражению в зеркальной стене паба. Шел первый час ночи, когда ко мне подсела разу-

крашенная брюнетка с коротко стриженными волосами. Одежда она была настолько вызывающе, что еще немного и можно было увидеть кружевное начало ее чулок. Агрессивности образу добавлял корсет, стиснувший большую грудь, и ярко красная помада вкупе с наклеенными ресницами. Ее шевелюра при более тщательном рассмотрении оказалась дешевым и не очень качественным париком. Поначалу я делал вид, что не замечаю ее, это вынудило заговорить незнакомку первой:

– Привет! Как дела? Что пьешь?

Такой наглости я еще не видел, а новоиспеченная знакомая, видимо, и не подозревала об этом понятии.

– Виски, -ответил я, игнорируя первый вопрос.

– Угостишь прекрасную леди? -она запустила руку в свои искусственные волосы.

– А почему бы нет, – подумал я, глядя на ее до неприличия короткую гляцевую юбку. Я не занимался сексом почти неделю и мой дракон с радостью был готов изрыгать языки пламени.

– Что будешь пить?

– Давай текилу. Кстати, меня зовут Ким, – она пододвинулась поближе, – А как тебя? Хотя, нет, не называй свое имя. Пусть ты будешь сегодня мистером Загадкой. И со словами:

– Ну что, за тебя, прекрасный незнакомец! – девушка опустошила рюмку, закусив лаймом. Я не стал возражать, к чему ей знать имя, которое вряд ли вспомнит на следующее

утро. Она пила с такой жадностью, с какой голодный поедает свой бургер. Но, в отличии от голодного, ее ненасытность было не утолить.

– Эй, не налегай так сильно! – перспектива провести остаток ночи с неподвижным бревном меня мало привлекала. После рюмок десяти ее лицо расцвело в блаженной улыбке, а душа, по всему видимому, захотела танцев. Ким начала зазывно крутить бедрами, стоя передо мной. Я почувствовал, что ее ряды уже были готовы принять моего воина. Махнув рукой, я позвал к себе Джефа с другой стороны паба.

– Дружище, пожалуй, мне пора, – сказал я, недвусмысленно показывая глазами на блудную спутницу.

– Я тебя понял! – пребывая навеселе, он засмеялся в ответ, – Тогда удачи, не облажайся!

Попрощавшись с другом, я обернулся к Ким.

– Может нам стоит переместиться в более уютное место? – я прошептал ей на ухо, слегка прикусив мочку.

– С радостью, если у тебя завалялось в кармане долларов двести, – напoмаженное лицо исказилось в пьяной гримасе. На миг желание переросло в жуткое отвращение к продажной шлюхе, но алкоголь и сексуальный позыв взяли надо мной верх.

– Если ты столько стоишь, –спокойно произнес я.

Поймав такси, мы приехали в дешевый мотель на окраине города. Ступени лестницы скрипели и, казалось рассыпятся под ногами. Номер тоже не мог похвастаться новиз-

ной: кровать была в середине продавлена, а ковер прожжен в нескольких местах.

– Так себе апартаменты, – Ким прилегла на кровать, опершись на локти.

– А мы сюда не обстановку смотреть приехали, -несколько грубо оборвал я, снимая футболку. Мне не терпелось вонзить в нее член и спустить пар. Усадив ее на колени, я одним движением расстегнул узкий корсет и откинул на пол. Сиськи тут же упали, как перезревшие яблоки и превратились в коровье вымя. На ощупь, конечно, они были лучше, соски набухли под моими руками. Она потянулась к моим губам, но я уклонился, предпочтя целовать ее шею, чем грязный рот. Кто знает, сколько шлангов поставляло в него свое топливо. Я поднял ее и бросил на кровать. Мои чресла были готовы задымиться от возбуждения, я поспешил избавиться от штанов. Лакированная юбка тоже стала лишней и отправилась вслед за остальной одеждой. Я с треском сорвал кружевные трусы, вагина оказалась чуть меньше, чем помойное ведро.

– О, мои трусики! – застонала проститутка.

– Здесь и на новые хватит! – я бросил триста баксов на пол, пока искал презерватив в заднем кармане джинсов.

Еще чего я не доверял женщинам, так это одевать моего рыцаря в доспехи. Я был наслышан о тех случаях, когда эти сучки умудрялись порвать резинку перед ее использованием. Конечно, ощущения в этом чудо-изобретении, как в ска-

фандре, но лучше перестраховаться, чем насладиться полным блаженством и таким же полным списком венерических заболеваний. Лежа на спине, я насадил ее сверху, как барана на вертел. «Пусть попотеет, отработает свой хлеб» - думал я, сокращаясь в такт ее движениям. В общем, ее техника меня устраивала, хотя с таким опытом работы, могла бы быть и лучше. Она гибко извивалась, касаясь сосками волос на моей груди, попутно слизывая капли пота, которые проступили от напряжения. Чтобы не видеть мерзкую физиономию, с которой уже начала осыпаться штукатурка, я повернул ее спиной к себе. Жаль под рукой не оказалось мусорного мешка, он был бы как раз кстати. Усиливая эффект, я терзал ее горячий зад, надеюсь, она перед этим додумалась его хорошенько вымыть. Момент Икс настал, вулкан освободил свои недра и потух. Мне было наплевать, кончила она или нет, я скинул ее со своего тела, как обертку с подарка и посмотрел в раскрасневшееся лицо. Что я видел в ее глазах? Пустоту или беспросветный мрак. Все что угодно, кроме раскаяния. Меня охватил гнев. Почему, она, молодая, здоровая и красивая девушка ведет себя так, зарабатывая плотскими утехами, когда тысячи больных раком ежедневно умирают, мечтая о такой нормальной жизни, которой она могла бы жить. Я начал контролировать себя уже после того, как моя рука отвесила оплеуху проститутке.

– Ты дрянь! Продажная дрянь, которая растрчивает свою жизнь, торгуя растянутой щелью! – я в бешенстве орал, стис-

кивая ее тонкие запястья. Она в страхе смотрела на меня, не решаясь вымолвить ни слова. Потом, набравшись смелости, произнесла:

– Мне просто нужны деньги, – прошептала Ким, захлебываясь в слезах.

– Так иди и подметай улицы за чертовы деньги! Эта работа в тысячу раз чище, чем то, чем занимаешься ты!

Я больше не хотел оставаться здесь ни на минуту. Натянув вещи на липкое тело, я буквально выбежал прочь из этой дыры.

Приехав домой, первым делом я побежал в душ. Мне поскорее хотелось смыть с себя не только грязь любовных забав, но грязь, которой была пропитана эта сучка. Я терся как бешенный, пока живот не покраснел, а мочалка не потеряла всю пену. «Что со мной происходит?» -я стоял напротив зеркала, наблюдая там чужого и жестокого... себя. Раньше со мной такого не случалось. Имел ли я право так обойтись с этой девушкой? Имел ли я право взять на себя функции самого Господа, чтобы наказывать и судить? Моя голова, казалось, скоро лопнет от вопросов, на которые я не знал ответов. Чтобы окончательно не свихнуться, я принял лошадиную дозу снотворного и рухнул на постель, забывшись мертвецким сном.

Глава 2

Следующее утро припасло мне в подарок не только солнечных зайчиков, но и жуткую головную боль. В очередной раз клятвенно пообещав себе, что больше не буду столько пить, я выполз из спальни и отправился варить кофе. Листая утреннюю газету, я размышлял, как бы провести остаток выходных. Остаться дома не было ни малейшего желания, он стал каким-то холодным и пустым, для полноты картины не хватало только перекати-поля раскиданного по полу. Лучшим средством от накатывающей депрессии для меня был отнюдь не шоппинг, принятый как панацея от всех бед у богачей. В минуты душевной слабости всегда хотелось прикоснуться к прекрасному. Если итогом шоппинга был опустошенный кошелек, голова забитая рекламным мусором и мельтешением кучи перемеренных шмоток, то искусство или природа приносили гармонию и ясность мысли.

Я отправился в галерею «Кэнвесис Мэйд», по слухам, там стартовала новая выставка. Посетителей было совсем немного, все меньше людей стало интересоваться культурным отдыхом. Выставка представляла собой композицию из десятков двух сюрреалистических полотен современников. Размытые образы и неожиданные сочетания будто гипнотизировали меня, впечатляя своей необыкновенностью. Этот художественный стиль притягивал меня именно тем, что, гля-

дя на картину, каждый видел в ней то, что хотел видеть. Как-то раз я попытался написать что-то подобное, однако на холсте получилась лишь невнятная размазня. Я забросил кисти и краски, поставив крест на карьере художника. Возможно, мое призвание совсем в другом и его еще предстояло открыть. Обойдя залы вдоль и поперек, я все-таки не смог уйти отсюда, ничего не купив. Мне понравилась одна символическая картина. В центре располагалось солнце, всполохи которого превращались в животных, птиц и смутные лики. Наверно, вот такого солнца не хватало в моей пресной жизни... Вдруг отчаянно захотелось весны. Не той, что за окном с приходом марта разбегается побегами попеременно с щебетом птиц вплоть до самого марта. Захотелось той, что должна быть внутри. Говорят, что хотя бы раз в жизни у каждого человека такая весна наступает. Если это была она в студенческие годы, когда ещё детский пушок наивности не сбила в щетину бабская лживость, то какая-то блёклая, с жухлыми листьями в зеленеющих кронах надежд и слабыми лучами, пробивающимися из-за туч. Будто для галочки, искусственная, которой я так и не вдохнул через край...

Зазвонил мобильный, отвлекая от моих задушевных мыслей.

– Добрый день, мистер Раш! Надеюсь, вы не забыли про нашу сегодняшнюю беседу? – вкрадчивый мягкий голос Мерца любезно напоминал мне притащить свой зад к нему ровно в пять.

– Конечно нет, Эдвард, – я старался говорить уверенно, хотя, думаю вряд ли мне удалось обвести его вокруг пальца. Я совсем забыл о встрече.

В кабинете играл старый добрый блюз. Раздевшись, я устроился в мягком кожаном кресле напротив Эдварда.

– Кофе, мистер Раш? – он расставлял на столе причудливый старинный сервиз с такими маленькими кружками, что содержимого в них хватило бы разве что смочить усы Мерца.

– Не откажусь. Надеюсь, вы не подлили туда сыворотки правды?

– Зачем же, тогда потеряется вся прелесть нашей с вами игры. Чем подозревать меня в подобных неприличных занятиях, лучше расскажите мне то, что вам так не терпится рассказать. Я заметил, как вы то и дело сжимаете ручку несчастной фарфоровой чашки, – как и обычно наблюдательность его не подводила.

Во всех подробностях я рассказал ему о сне, который приснился мне накануне. Эдвард делал записи, спешно срывая произнесённые мною фразы и консервируя в своём хранилище для наблюдений. Когда я закончил, он, выждав некоторую паузу, заговорил:

– Мистер Раш, не могло ли случиться так, что детски эпизоды вашей жизни сыграли свою роль в проблемах в отношении с женщинами?

– Какие проблемы? Секс у меня к примеру регулярный.

– Наличие женщин ещё не означает отсутствие проблем

с ними. Я вот, что думаю. Вы сами себе навязали стереотипы о женском поле, а теперь не в силах от них избавиться. Это как будто вы идёте в жутко неудобной обуви, она натирает и сдавливает ноги, но вы продолжаете в ней идти, ведь того требуют приличия, да плюс ко всему выбрали вы её сами. Исходя из наших бесед, вы полагаете, что все бабы дуры, не так ли? – доктор встал и начал ходить из стороны в сторону, гипнотизируя своим мельтешением.

– О, как грубо, пожалуй пустышки, – старик говорил дело и спорить в этом вопросе с ним я не стал.

– Стиффлер, что же в таком случае вы ищете? А вы несомненно ищете! Пустоту в пустышках, примитивный секс? Видите ли, всё дело в том, что мы видим в людях то, что сами хотим увидеть.

– То есть пятна на солнце это всего лишь плод нашего воображения хотите сказать? Всё бы хорошо, но объясните, как можно увидеть в женщине святую, если она шлюха?

– Поверьте, мы не можем судить так поверхностно о людях, всегда есть история. Пообещайте к следующему визиту подумать об этом.

Начало третьего осеннего месяца и очередная рабочая неделя не принесли ничего хорошего, впрочем, как и предыдущие. Не успел я выпить свой утренний капучино, как позвонил Коул.

– Привет, Стиф! Мы крупно вляпались, дружище! – от приветствий он сразу перешел к делу, – Мне пять минут

назад сообщили патрульные, что обнаружили женщину, повешенную в петле на Лэйкер-стрит.

– Да, у кого-то выходные совсем не заладились, а я переживал на свой счет, – упс, мой сарказм, наверно, вышел не к месту.

– Хватит паясничать, мистер Шутка Года! Так вот. Рождерс заболел, ты ведь знаешь этого хилого слизняка. Поэтому, догадайся, кто поедет со мной на место происшествия? – теперь Спаркс в отместку решил поглумиться надо мной. Я подкатил глаза к потолку, терпеть не мог работать на выезде.

– Барабанная дробь... И путевку в северный район Брамптона получает Стиффлер Раш! – этот безумец и не думал останавливаться.

– А я имею право обменять свой приз на деньги?

– Давай дуй, чтоб через десять минут был у меня! – игнорируя, он положил трубку. Вот так Моника обрадуется, вдоволь наговорится с подружками по телефону.

– Меня сегодня нет, записывай все входящие, – я бросил напоследок секретарше.

Домик Тамары Морроу, именно так звали погибшую, стоял в самом конце Лэйкер-стрит. Строение было довольно старым.

– Даже странно, что обваливающаяся черепица не убила ее раньше петли, – заметил я, когда мы входили вовнутрь.

– Иногда я поражаюсь сколько в тебе желчи! – воскликнул напарник.

– Надеюсь, до пенсии хватит, – парировал я. Посреди комнаты, держась за люстру, покачивался раздувшийся труп женщины. Вокруг в беспорядочном хаосе были разбросаны стулья, одежда и предметы быта. Тамара жила одна, поэтому соседи обнаружили ее только спустя пару дней.

– Что нам о ней известно? – надевая перчатки, я обратился к ассистенту.

– На момент смерти Тамаре Морроу было сорок девять лет. Она жила одна, муж погиб в автокатастрофе пару лет назад. Есть сын, сейчас пытаюсь установить, где он находится на данный момент». Мы осторожно отвязали веревку и положили тело на носилки. В нос сразу ударил запах разлагающейся человеческой плоти. Молоденький ассистент поспешил выбежать вон, преследуемый рвотными позывами. Коул, давно привыкший к подобным зрелищам, понимающе хмыкнул. Пока я обследовал комнату в поисках улик, его мобильный зазвенел.

– Спаркс, слушаю, – он настороженно поднял трубку. Разговор длился не больше пяти минут, но явно нес какую-то важную информацию. Иначе это не заставило бы коллегу побелеть, как простыня в моем морге.

– Я не поверил своим ушам! Сейчас мне сообщили, что Морроу, как и предыдущая жертва, состояла на учете в клинике Святого Эндрю! Она болела раком почек последней стадии.

– Значит, возможно, это не самоубийство? – я с тревогой

посмотрел на Коула.

– Что за игру затеял сукин сын?! – криминалист рвал и метал, – Или у подонка мания убивать и без того несчастных?

– Не кипятись, друг, мы обязательно выясним это, – я ободряюще похлопал его по плечу.

Этот день настолько вымотал меня, что даже не осталось сил на ужин в любимом кафе. Приехав домой, я безвольной рыбой расстелился перед телевизором. Смотреть как всегда нечего, почти каждый канал пестрил бредовыми токшоу или сериалами в стиле «Санта-Барбары». Мое внимание привлекла программа новостей на местном телевидении. Бойкая репортерша что-то неустанно тараторила на фоне нашего отдела.

– Как стало известно, сегодня был обнаружен труп Тамары Морроу. Это убийство стало вторым по счету из серии загадочных преступлений, который уже успели шокировать общественность. Кто же он, этот убийца? Циничный псих или благородный каратель, который просто прекращает муки несчастных? У следователей есть подозреваемый, но его имя пока не оглашается. Что ж, если обвинения найдут свое подтверждение, то в скором будущем мы это узнаем. С вами была Маргарет Милс, Брамpton Ньюс.

Репортаж заставил меня задуматься. Как странно, что одно действие вызвало такие противоречивые мнения. В глазах одних этот человек герой, бросивший вызов обществу, в глазах других очередной маньяк, подвластный причудли-

вому фетишу. Каждый видит то, что ему хочется видеть. Для меня же он застрял где-то посередине, я не мог отнести его ни к одному, ни к другому...

«Как же я ненавижу утро» - промелькнуло в голове. Я был не из тех, кто встречает каждый новый день с улыбкой. Захватив хот-дог в закусочной неподалеку, я помчался на работу. Опаздывать сегодня было никак нельзя, в первой половине дня запланировано собрание для всех глав отделов, включая и меня. Повесткой дня стало вопиющее убийство, успевшее стать достоянием общественности.

Шеф Гордон тоже был не в духе. Это можно было заметить по его ушам, которые краснели всякий раз, когда он злился. Сложив руки за спину, здоровяк семенил туда-обратно, измеряя шагами свой просторный кабинет. Когда за овальным стеклянным столом не осталось ни одного свободного места, кроме его собственного, он заговорил.

– Как вы могли догадаться, причиной собрать вас здесь послужили недавние убийства, – он окинул присутствующих своим знаменитым железным взглядом, – Мы давно уже не сталкивались с подобного рода преступлениями и то, что оно наделало много шумихи- нормальная закономерность. Поэтому, мы должны быть предельно осторожны, дабы не совершить ошибку, – на мгновение шеф замолк, отведя глаза на аквариум- жемчужину и повод для гордости его рабочего места.

– Простите, о какой ошибке вы говорите? -вечно витаю-

щая в облаках, Джейн Эклс, была как всегда далека от последних событий. В глазах Гордона запрыгали искры, он терпеть не мог лишних вопросов. Похоже, это был последний вопрос мисс Эклс, по крайней мере, в данной должности.

– А я говорю о тех ошибках, мисс Джейн, которые допускают, когда за решетку попадает не тот человек, а преступник гуляет на свободе!

Блондинка испуганно захлопала своими нарощенными ресницами и потупила взгляд. Ее отец некогда осудил невиновного. Не обращая на это внимания, начальник продолжил:

– У нас есть подозреваемый, но нужно учитывать все объективные факторы, чтобы выяснить имеет ли он отношение к этому преступлению. Пожалуйста, мисс Петерсон, просветите коллег, – он подал знак своей ассистентке, чтобы та встала.

– Добрый день. Итак, наш подозреваемый это Джек Морроу, сын покойной Тамары Морроу. Как стало известно, по достижению совершеннолетия, он ушел из дома, спутавшись с местной дурной компанией. Соседи уверяют, что с матерью общался редко, в тех случаях, когда нужны были деньги на наркотики. К тому же, нельзя упускать из виду тот факт, что год назад он работал в клинике Святого Эндрю, а, значит, имел туда доступ. Однако, если убийство матери можно как-то объяснить, то его причастность к первому под вопросом.

– Спасибо, Дайана! – Гордон прервал речь помощницы, – Итак, вы теперь имеете представление о положении дел на сегодня. И я хотел бы знать ваше профессиональное мнение. Ну что, кто-нибудь осмелится поразить меня своей блистательной идеей? – он выжидающе посмотрел на всех присутствующих.

– Шеф, вы позволите? – сам того не ожидая, я поднял руку вверх. Тот одобрительно кивнул, в душе, наверно, предвкушая, как через минуту в пух и прах раскритикует чужую версию.

– По поводу мотива. Может быть стоит поискать причины такого поведения в его детстве. Вы ведь и сами прекрасно знаете, что в большинстве случаев мотив преступника это отголоски его раннего периода жизни. Предлагаю для начала сосредоточиться на изучении биографии Джека.

– Да какое детство, наркотики всему виной! – загалдели справа. Остальные активно поддержали эту тему и совещание вот-вот грозило перерасти в сборище торговцев, выясняющих чей товар лучше. В итоге было решено завтрашним днем устроить допрос подозреваемому и более тщательно обследовать место преступления.

Выкупив последнюю «Mallboro», я поспешил в кафе, чтобы занять любимое место у окна. Людей оказалось немного.

– Тельтелле и двойной эспрессо, пожалуйста.

Обычно мой взгляд не поднимался выше страницы меню, но в этот раз, будто что-то почувствовав, я посмотрел

на официантку.

– Вы новенькая, если я не ошибаюсь? – сощурившись, я попытался прочесть изгиб фигуры под ее бесформенным фартуком. Заметив это, девушка нахмурилась:

– Нет, не ошибаетесь.

Да, дерзости в ней было ничуть не меньше, чем внешних данных. Копна русых волос и большие зеленые глаза на фоне мраморной кожи сразу обращали на себя внимание. Похоже, она жутко нервничала, постоянно поправляя выбившиеся локоны и что-то черкая в блокноте.

– Это все? – она склонила голову набок.

– Пожалуй да, Сара, – я заметил бэйдж с именем, который колыхался на груди каждый раз, когда она делала глубокий вдох. Я проводил юную красотку взглядом, представляя, какого цвета бикини лучше бы смотрелось на ее упругой заднице. Однако, она не производила впечатление одной из тех девиц, которые готовы были бы показать все свои прелести, почуяв запах денег. Те сразу обнаруживают себя заискивающим выражением лица и откровенными вырезами на блузке. Заказ был готов через пятнадцать минут. Сара, едва заметно трясущимися руками поставила передо мной блюдо с ароматными макаронами.

– Спасибо! – я заглянул в ее чистые глаза.

– Не за что, – ответом мне стала лишь презрительная ухмылка, с которой богач вкладывает в руку нищего долларовую купюру.

– Могли бы быть поприятливей, Сара. Я ваш постоянный посетитель, еще не раз придется свидеться, – небрежность этой девчонки меня порядком задела.

– Все замечания можете оставить в книге жалоб, – с деланным равнодушием ответила та. Когда с ужином было покончено, официантка вынесла мой кофе. Я уже представлял, как отпиваю глоток великолепного эспрессо, пока эта заносчивая девица не пролила все содержимое на меня. Горячие темные кляксы тут же разбежались по костюму.

– Черт возьми, моя любимая рубашка! – конечно с «любимой» я преувеличил, чтобы добавить эффекта, но в остальном меня переполняло негодование. Я был почти уверен, что она это сделала нарочно!

– Извините! Я сейчас все исправлю, – на щеках проступил пунцовый румянец, девушка принялась неуклюже вытирать стол салфетками.

– Я полагаю, это тоже нужно записать в книгу жалоб?! – я встал, открывая бумажник, – Вот, возьмите. Здесь и на чаевые хватит. Может в следующий раз будете более обходительны!

Я бросил несколько бумажек на стол и поспешил уйти, чтобы окончательно не взорваться. Хлопнув дверью, я быстрыми шагами приближался к автомобилю.

– Оставьте себе! Добавьте на новую рубашку! – раздалось сзади. Не обращая внимания на официантку, я закрыл дверцу и уже собирался дать по газам, как она замаячила перед

лобовым стеклом.

– Что за цирк! – злобно прошипел я, не понимая, чего она хочет добиться. Помешкав секунду, девушка засунула оставленные мною деньги под дворники и направилась обратно в заведение.

– Да здесь не хватит даже на пуговицу от нее! – крикнул я и с бешенством дернул за руль.

Всю дорогу домой я не мог успокоиться, изрыгая ругательства в адрес встречных водителей. Да что я, в конце концов, сделал этой девчонке?! Разве я был похож на одного из зажавшихся снобов, к которым можно было бы объяснить подобное отношение? Иногда люди злятся на других не по той причине, что ты им что-то сделал, а просто потому, что ты такой, какой есть. Богатый, успешный и красивый. И я совсем не виноват в том, что эта девица прозябала прислугой вместо того, чтобы купаться в роскоши. Мысли синим роем атаковали мой мозг, не оставляя шансов расслабиться. Приехав домой, я лег в горячую ванну, закатил глаза. Нужно было как-то отвлечься, спустить пар. Забитой была не только голова. Мои яйца буквально распирало от застоявшейся спермы. И это при том, что я не трахался всего несколько дней. Даже не хочу представлять, что было бы, если бы у меня месяц не было секса. Дрочить не хотелось. Без млеющего живого тела под тобой терялся весь кайф. И тут меня осенила гениальная идея. Мишель! Вот кто приоткроет мне в этот вечер врата в райские кущи.

Мы познакомились с ней на благотворительном вечере, устроенном в доме моего отца. Вообще, эти вечера больше походили на ярмарки тщеславия и были всего лишь еще одним изощренным способом продемонстрировать богатство и власть собравшихся. Она присутствовала там в качестве подруги одной из пассий Кевина. Я сразу заметил знойную брюнетку с рыскающим взглядом. А дальше дело техники. Несколько комплиментов по поводу ослепительной внешности, парочка шуток... Порядок оболъщения женщин можно разложить по полочкам. Сразу было видно, что пришла она не для того, чтобы спасти кого-то от голода или привлечь крупные инвестиции, только если не в себя. Казалось, маленькие долларовые значки блестели в ее глазах, когда она смотрела на меня. Поначалу Мишель пыталась корчить из себя Снежную Королеву, даже пришлось недельку за нею побегать. Но, как вода точит камень, так и мои подарки привели нас в постель ее скромной квартиры. Переспав с ней несколько раз, я утратил вкус азарта и исчез, оставляя на память букет белых роз. Я знал, что женщины терпеть не могут прощаний по-английски, но такова уж природа мужчин. Рассыпаться в объяснениях всегда было уделом слабого пола, они обожают выдумывать всякие причины для того, чтобы уйти. А вот мы мужчины наоборот ищем тысячи поводов вернуться. И один из них был мне просто необходим в эту минуту. Мы не разговаривали уже месяца три, но благо телефон хранил номер ее сотового.

– Добрый вечер, моя красавица! – я пытался задать игривый тон беседе.

– И тебе привет, – настороженно ответил голос из трубки.

– Смотрел тут недавно фильм с главной героиней Мишель. И сразу подумал о тебе, – пустил в ход первое, что пришло на ум.

– Надо же, последние три месяца ты обо мне что-то не вспоминал, – язвительно заметила она.

– Как ты вообще? У тебя все в порядке? – мысль, что о тебе беспокоятся, любую девушку заставляет смягчиться, как бы зла она не была.

– Да так себе.

– Что случилось, зайка? – и почему я никогда не задумывался о карьере актера, играть у меня получалось очень правдоподобно.

– Настроения нет совсем, наверное, все из-за осенней непогоды, – жалобно протянула Мишель.

– Кажется, я знаю как тебе его поднять. Через час буду у тебя!

– Но, Стиф! – я не дал ей договорить и отключился. И так было ясно, что она не против увидеться. Надев белое поло и голубые джинсы, я заехал в супермаркет. Иногда реклама приходится очень кстати. Не нужно выдумывать велосипед, ломая голову над тем, с чем приехать на свидание. Раффаэло – вместо тысячи слов, красные розы – знак страстной любви, шампанское «Asti» – символ роскоши, без ко-

того не вяжется образ красивой жизни.. Собрав стандартный набор, я отправился на Айленд-стрит. Я оставил машину на стоянке около неприметной высотки и поднялся на третий этаж. Долго ждать не пришлось, Мишель открыла уже после второго звонка. Соблазнительница предстала передо мной в кружевном зеленом платье, открывающем линию плеч и чуть выпирающие ключицы. Волосы были закручены в локоны, а синие глаза подчеркнуты дымкой теней.

– Ох, Стиф! Это мне? – она с восхищением уставилась на сто и одну розу, обернутую белой лентой.

– Это всего лишь капля того, чего ты достойна, – я протянул ей цветы и поцеловал в щеку.

– Так и будешь томить гостя на пороге?

– Нет конечно, проходи. Я только поставлю розы в вазу.

В гостиной пахло ванильными свечами и сладкими духами хозяйки. Других запахов здесь не могло и быть. Эта девушка была из категории тех, кто лучше побережет маникюр, чем почистит картошку. Я убедился в этом на личном опыте, по случайности оставшись у нее на ночь после лошадиной дозы спиртного.

Мишель торопливо расставляла бокалы под шампанское и нарезанные фрукты на низком деревянном столике.

– Я буду пить виски, – терпеть не мог шипучих напитков. Главное не увлекаться, не то мой воин падет, так и не побывав в сражении. Помешкав немного в кухне, она вернулась со взбитыми сливками и принялась поливать ими фрукты,

демонстрируя глубину выреза своего декольте. На самом деле сиськи у нее были не такими уж большими, все дело состояло в чудесных подкладках лифчика, визуальнo увеличивающих грудь до третьего размера.

– Ты скучал по мне? – она присела рядом, зазывно облизывая пухлые губы.

– Конечно, принцесса. Просто никак не мог набраться смелости и позвонить тебе, – моя рука скользнула на ее коленку.

– Почему же ты так внезапно исчез? – она укоризненно посмотрела на меня. Может быть потому, что мне до смерти надоела твоя болтовня про новую коллекцию Иф Сен Лорана или жалобы на тяготы жизни в виде сломанного ногтя? Нет, я не хотел тебя слушать, я хотел тебя трахать и трахать, пока промежность не выплюнет твою вагину. Но, вслух я, конечно, произнес другие слова. Слова... Как же много они значат для слабого пола. Достаточно одной фразы, полунамека, чтобы посеять зерно надежды в душе женщины.

– Понимаешь, сладкая, мне нужно было время подумать, – в знак примирения я нежно поцеловал ее холеную ручку. Можно ли было считать это обманом? Думаю, лишь отчасти, женщины порой обманывают себя гораздо чаще, чем мы их. Так что еще одна маленькая ложь не сильно навредит миру ее иллюзий. Я убрал свою руку.

– Хотя о чем я говорю. Зачем я тебе нужен со всеми своими душевными проблемами. Наверное, мне лучше уйти, –

жалость – еще одна уловка, на которую не могла не купиться Мишель.

– Что ты такое говоришь, ты ни в коем случае не должен оставаться сейчас один.

– Ну еще бы, я поэтому собственно и приехал к тебе, – подумал я про себя, прикидывая сколько палок смогу засадить ночью этой малышке. Мишель тем временем залпом осушив свой бокал, потянулась к веточке винограда. Как по волшебству пара ягод упала в откровенный вырез. Ну, надо же какая неожиданность!

– О Боже, я такая неловкая! – хихикая, девушка оттопырила край платья.

– Позволь, я помогу тебе, – получив недвусмысленный сигнал, я решил перейти к активным действиям. Я только было потянулся к молнии ее платья, но она вскочила как шальная.

– Нет нет, а ты сиди, – она мягко толкнула меня на спинку дивана, – Силы тебе еще пригодятся.

Щелкнув кнопкой проигрывателя, соблазнительница начала извиваться в своем волнующем танце. Хотя это зрелище было вполне эффектным и завораживающим, я все равно чувствовал легкое раздражение от затянувшейся прелюдии. Если суп перед тем как съесть понюхать с полчаса, он от этого станет вкуснее? Но, похоже, моя подружка думала именно так. Сумеречные блики скользили по бархатной коже, лаская изящное кружево белья. Она то таилась испуганной ланью

у окна, то приближалась походкой дикой пантеры. Все движения были искусно отлажены, будто она танцевала этот номер миллион раз. Интересно, какой я по счету зритель этой «импровизации»?...

Спустя несколько томительных минут соблазнительница, видя как я нетерпеливо ерзаю, все-таки сжалилась надо мной и упругой попкой уселась на колени. Крепость уже была готова к штурму. Я скользнул рукой в крошечные трусики, ее киска намокла и явно ждала гостей. Я опрокинул Мишель прямо на столик и принялся жадно кусать ее свежую, еще не обвисшую грудь, проникая все глубже и глубже. На удивление вагина была такой же узкой, как в последний раз, я с трудом проталкивал член. Она картинно стонала, в передышках выкрикивая мое имя. И кто только надоумил женщин, что нам мужикам нравятся их визги, при том в самый что ни на есть ответственный момент? Наконец-то я кончил и она соизволила заткнуться. Но, правда не на долго. Тут же она посвятила меня во все подробности своей нелегкой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.